

13 ЯНВ 1979

Комсомолец
г. Челябинск

Дебют

✓

ПЕРЕД спектаклем Саше обычно снятся кошмары. Причем кошмары свои — балетные. Что он падает на сцене, например. После пируэтов в воздухе, больших сложных прыжков, вращений. Падает, или позу не держит, или роняет партнершу, или еще что-нибудь такое, от чего просыпаясь в ужасе. Но, вообще-то, он сам виноват: ложась накануне ответственного спектакля в постель, мысленно прокручивает все технически сложные моменты партии; всю ее танцевальную канву перебирает в поисках своих слабых мест и возможных ужек на сцене ошибок.

— А на сцене, Саша? На сцене, не во сне, а наяву, бывает такое?

— Да, случается...

Он смеется. Длинные волосы, лунавые глаза. Здесь, в узком театральном коридоре, на третьем этаже оперного, где мы сидим на низенькой скамейке, он — со своей мокрой от недавнего урока челкой, в модной курточке с капюшоном — меньше всего напоминает балетного премьера, ведущего «Лебединое», «Сотворение мира»... Просто мальчик, двадцатитрехлетний и современный, с очень хорошей, отрывистой улыбкой, способный искренне хохотать над собой в смешных ситуациях.

— Это было в «Кармен-сюите». Я танцевал Тореро, там такой выход у него совершенно великолепный, парадный. И вот так получилось, что на этом шикарном выходе я как-то поскользнулся

РАЗБЕГ ПЕРЕД ПОЛЕТОМ

на плаще и чувствую — лечу. Куда — непонятно. Господи, самое начало вариации, Кармен на меня во все глаза смотрит (она по роли восторгаться мною должна и очаровываться), а у нее в глазах испуг и недоумение: куда же он летит? Так я на своем плаще и въехал в кордебалет.

— А потом?

— Ничего. Сделал вид, что так и положено. Кстати, публика, по-моему, так и восприняла этот «полет»... Но, к счастью, такие казусы бывают редко. Ведь на сцене всегда собран по-особому, особенно, если партия ответственная...

— А часто вы бываете довольны прошедшим спектаклем?

— Почти никогда. Ведь там, на сцене, сама роль, ее актерская сторона захватывает так, что «технику» танцуешь почти автоматически. Упоенно. На накале чувств. И почти не вспоминаешь о том, что сказал накануне, на репетиции педагог. И только потом, уже разгормировываясь, или стоя под душем, или вообще уже по дороге домой, вспоминаешь: боже мой, то я не сделал, это не выполнил, там колени не дотянул, там движение «вполноги»

свалял... Честно говоря, я даже не помню спектакля, после которого бы сказал себе: сделал все, лучше невозможно.

В Челябинске Александр Мунтагиров появился пять лет назад. Как это вышло? Он как раз окончил Пермское хореографическое училище, когда туда приехал педагог-репетитор Челябинского оперного Владимир Ильич Бейлин. Сам выпускник Пермского, он знал, куда надо ехать за кадрами, и тогда, в 73-ем, сразу обратил внимание на троих ребят из класса прославленного педагога Ю. И. Плахта — Мунтагирова, Чадова и Вейнберга. Что тогда можно было о них сказать? Все были очень богато одарены природой, все имели отличную, академическую школу, все подавали надежды, но и только. Ко всему этому необходимо было прибавить еще и то, что дает молодому артисту только работа в театре, — работоспособность, беспощадное отношение к себе.

— Характер у Мунтагирова очень интересный, — говорит мне Бейлин в коротком перерыве между уроком и репетицией, — он может быть злым, но обычно на себя, если что-то не выходит. Это хорошая злость, на мой взгляд, она дает тот эмоциональный резерв, который помогает работать. Он из тех актеров, которые всегда приносят что-то на репетицию, не пассивно выполняют волю педаго-

га, а ищут свои пути к образу, ту истину, которая кажется им абсолютной.

...Во вторник Саша на мужской урок опоздал. Прибежал к 11-ти, на женский урок, прилежно встал к станку, краем уха схватывая ворчливую реплику Бейлина: «Во-от, вечно так — спектакль станцую, потом три месяца отдыхаем...» Обычно балетные ребята неуютно чувствуют себя на женском уроке, рядом с ювелирно выгнутыми подъемчиками, с подчеркнуто аккуратными движениями балерин раскованная и чуть небрежная пластика мужчин кажется грубоватой. Мунтагиров был здесь, как рыба в воде. Школа, школа — не растерянная, а наращенная и обогащенная за годы работы — помогала ему.

Он любит классику. Но, пожалуй, все-таки ближе ему роли в современных балетах. Адам в «Сотворении мира», Рыбник в «Тиле», Тореро в «Кармен»... Но ни перечисление ролей, ни даже подробный рассказ о них не смогут нарисовать то обаяние мастерства и юности, которое все-таки надо видеть своими глазами. Мунтагирова надо смотреть на сцене. Главный балетмейстер театра В. Н. Бутримович сказал мне как-то раз, что это — подлинное явление в Челябинском балете. Вот так — ни больше и не меньше.

Н. АНТОНЯН.